

Акутагава Рюноскэ - Лук

Сегодня вечером я собираюсь в один присест написать рассказ: завтра истекает срок представления рукописи. Я не просто собираюсь, я должен написать его обязательно. Если же вам интересно, о чем я буду писать, придется прочитать то, что следует ниже.

В одном из кафе вблизи Дзимботе[1] на Канда служит официантка по имени Окими. Говорят, что лет ей пятнадцать-шестнадцать, но выглядит она взрослее. Лицо белое, глаза ясные, и хотя нос у нее чуть вздернут, она первостатейная красавица. Волосы у Окими расчесаны на прямой пробор, и к ним приколоты незабудка. Так и стоит Окими в своем белом фартуке перед пианолой, словно только что сошла с картины Такэхиса Юмэдзи-куна[2]. Завсегдатаи кафе прозвали ее «популярный роман», –видимо, они имели на то свои причины. Были у нее и другие прозвища. За цветок в волосах ее называли «незабудка», за сходство с американской киноактрисой – «мисс Мери Пикфорд», за то, что она неотъемлемая часть кафе, – «пиленным сахаром», и все в таком духе.

Кроме Окими, в кафе есть еще одна официантка, постарше. Зовут ее Омацу. В красоте она не соперница Окими. Разница между ними, как между белым и черным хлебом. Соответственно и чаевые у них разные, хотя служат они в одном кафе. Это не давало покоя Омацу. Ее недовольство росло, а вместе с ним и подозрительность.

Как-то летом в послеобеденное время один из посетителей, с виду студент института иностранных языков, сидел за одним из столиков Омацу и, держа во рту папиросу, пытался закурить. Как назло, на соседнем столе стоял вентилятор, и не успевал молодой человек поднести спичку к папиросе, как ее гасило сильной струей воздуха. Проходившая мимо его столика Окими остановилась, чтобы загородить собой вентилятор. Студент прикурил, его загорелое лицо расплылось в улыбке, и он сказал: «Спасибо». Такая любезность Окими была, конечно, замечена ее соперницей. Тогда Омацу, стоявшая у кассы, подняла поднос с мороженым, который надо было отнести в ту сторону, где сидел молодой человек, и, зло глядя в лицо Окими, с очаровательным женским ехидством произнесла:

– Эй, отнеси-ка ты!

Такие ссоры случались несколько раз в неделю, поэтому Окими почти не разговаривала с Омацу. Она обычно стояла перед пианолой и молча расточала улыбки студентам, которых тут собиралось немало, или посылала молчаливые проклятия раздражавшей ее Омацу.

Ревность Омацу, однако, не была единственной причиной взаимной неприязни девушек. Окими в глубине души презирала Омацу еще и за то, что у нее не было вкуса. Да и не могло быть, ибо по окончании начальной школы Омацу ничем не интересовалась, кроме песенок нанивабуси[3], бобов мицумамэ[4] и мужчин. В этом Окими была уверена.

Ну, а чтобы узнать, каковы интересы самой Окими, надо на время покинуть шумное кафе и подняться на второй этаж дома, который стоит неподалеку от кафе, в глубине аллеи. Владелица его – дамская парикмахерша. Дело в том, что Окими снимает у нее жилье и все свободное от работы время проводит там.

У нее комната в шесть татами, с низким потолком. Из выходящего на запад окна видна только черепичная крыша. У окна – придвинутый к стене стол, покрытый ситцевой материей. Его, собственно, лишь ради удобства, условно можно назвать столом, в сущности же, это старомодный чайный столик. На этом старинном чайном столике-столе лежат книги в европейских переплетах, их тоже не назовешь новыми. Ну, к примеру, «Кукушка»[5], «Сборник стихов Тосона»[6], «Жизнь Мацуи Сумако»[7], «Новое Асагао-никки»[8], «Кармен», «Если посмотреть с высоты гор на долину»[9] и еще несколько женских журналов – вот и все. Хоть бы найти там один-единственный экземпляр моих рассказов. Увы! Рядом со столом – буфетик с облупившимся лаком. На нем стеклянная ваза с узким горлышком для цветов. В вазу с особым изяществом вставлена искусственная лилия с оторванным лепестком. Легко догадаться, что эта лилия, будь у нее целы лепестки, по сей день красовалась бы на столике в кафе. Над буфетом к стене было приколото кнопками несколько картинок, похожих на

журнальные фронтисписы. В центре – рисунок художника Кабураги Киеката-куна «Женщина Гэнроку»[10], а чуть пониже – небольшая по размеру «Мадонна» Рафаэля или что-то в этом роде. Немного выше «Женщины Гэнроку» открытка со скульптурой женщины работы Китамура Сикай-куна[11]. Женщина бросает лукавые взгляды на Бетховена. Впрочем, только Окими думает, что это Бетховен. На самом деле это американский президент Вудро Вильсон, и остается лишь посочувствовать бедному Китамура Сикай.

Теперь, я думаю, вполне понятно, насколько насыщена духовная жизнь Окими литературой и искусством. И действительно, изо дня в день, возвратись поздно вечером из кафе, Окими садится под портретом Бетховена-Вильсона, непременно читает «Кукушку» и любуется искусственной лилией. Все это действует на ее сентиментальность гораздо сильнее, чем, например, сцены лунной ночи в трагедийных кинофильмах стиля «симпа»[12].

Однажды вечером, в пору цветения вишни Окими в одиночестве сидела за столом и почти до первых петухов усердно писала письмо на почтовой бумаге розового цвета. Закончив, она не заметила, что один листок упал под стол. Не хватилась она его и утром, уходя на работу в кафе. Весенний ветер, влетевший в окно, подхватил листок и бросил под лестницу, на которой стояли два зеркала в хлопчатобумажных чехлах шафранового цвета. Хозяйка, жившая на первом этаже, знала о любовных письмах, нередко попадавших в руки Окими. Потому приняла розовый листок за одно из таких писем и из любопытства пробежала его глазами. Неожиданно для себя она обнаружила, что это написано рукой Окими. Быть может, это ответ Окими на любовное послание? Она стала внимательно читать. А написано было вот что: «Когда я думаю о Вашем расставании с Таэко-саном, грудь моя разрывается от рыданий». Как и следовало ожидать, Окими почти всю ночь сочиняла письмо – соболезнование госпоже Намико[13].

Должен признаться, что, описывая этот эпизод, я не мог сдержать улыбки в адрес сентиментальной Окими. Но в моей улыбке не было и капли ехидства.

В комнате Окими, кроме искусственной лилии, «Сборника стихов Тосона» и рафаэлевской «Мадонны», была еще всякая утварь, необходимая для приготовления пищи. Кто знает, сколько ударов в прошлом нанесла Окими суровая действительность токийской жизни, символом которой и была сейчас эта утварь! Но даже при одинокой тяжелой жизни, когда смотришь на все сквозь пелену слез, изредка перед глазами открывается прекрасный мир. Окими пыталась уйти от действительности, проливая слезы восторга, который она испытывала перед литературой и искусством. Тогда она забывала, что надо платить шесть иен в месяц за комнату и семьдесят сэнов за одно се[14] риса... Кармен не тревожит плата за электричество, она беспечно танцует, щелкая кастаньетами. Госпожа Намико, конечно, страдает, но положение у нее не таково, чтобы нечем было заплатить даже за лекарства. Короче говоря, слезы Окими тихо и скромно зажигали свет человеческой любви, когда опускались сумерки страданий. Представив себе фигуру Окими глубокой ночью, когда на улицах Токио замирают все звуки, а она в одиночестве, при тусклом свете десятидневной лампочки, подняв мокрые от слез глаза, грезит то о буре в Дзуси[15], то об олеандровых рощах Кордовы[16], и, черт возьми, не только пропадает предубеждение против нее, но даже сам становишься сентиментальным, чуть только позволишь себе распуститьсь. И это я, сугубо рассудочный человек, которого критики издавна считают существом, лишенным лиричности!

Как-то зимним вечером эта самая Окими, поздно вернувшись домой с работы, сначала, как всегда, села за стол и стала читать не то «Жизнь Мацуи Сумако», не то еще что-то, но, не прочитав и страницы, вдруг безжалостно бросила книгу на циновку, видимо, утратив к ней интерес по какой-то причине. Затем, повернувшись влоборота, облокотилась о стол и, подперев щеки руками, стала холодно и рассеянно глядеть на портрет Бетховена-Вильсона, что висел на стене. Ничего подобного с ней до сих пор не случалось. Может быть, Окими уволили с работы? Или издевательства Омацу стали еще отвратительнее? Нет, не то. Тогда, возможно, у нее разболелись зубы? Нет, нет и нет. То, что тревожило сердце Окими, было не таким заурядным событием. Подобно госпоже Намико или Мацуи Сумако, Окими страдала от любви. Кому же отдала она свое сердце? Пользуясь тем, что Окими какое-то время будет сидеть неподвижно, рассматривая Бетховена на стене, я бегло представлю вам предмет ее любви.

Другом Окими был Танака-кун – неизвестный... ну, скажем, художник. Дело в том, что у него была масса талантов, он мог сочинять стихи, играть на скрипке и на сацумской бива[17], писал маслом, выступал на сцене и искусно играл в карты со стихами. А коль скоро он одарен был всеми этими талантами, никто не мог точно определить, что его главное занятие, а что баловство. К тому же человеком он был весьма своеобразным. Лицо у него было бесстрастное, как у артиста, волосы блестели, словно кисть, которую обмакнули в масляную краску, голос нежный, как скрипка, речь трогательна, словно стихи. Он очаровывал женщин так же ловко и проворно, как играл в карты со стихами, занимал деньги, не намереваясь их отдать, так же смело и свободно, как пел, перебирая струны сацумской бива. Если добавить, что он носил черную широкополую шляпу, дешевенький охотничий костюм и зеленый галстук в стиле богемы, то этого, пожалуй, вполне достаточно, чтобы составить о нем представление. Кажется мне, что люди, подобные Танака, – это определенный тип, их непременно увидишь в баре или кафе в районах Канда и Хонго[18], на концерте в молодежном клубе или музыкальной школе, причем на самых дешевых местах; на выставке в картинных галереях Кабутоя и Санкайдо[19] они надменно, свысока рассматривают публику. Поэтому, если вам захочется получить более четкое представление о Танака, отправляйтесь в указанные места, а меня увольте от дальнейшего описания. Прежде всего хотя бы потому, что, пока я знакомил вас с Танака, Окими уже успела встать и сейчас смотрит на холодную лунную ночь, раскинувшуюся за окном.

Луна, повисшая над черепичной крышей, освещает искусственную лилию в стеклянной вазе с узким горлышком, маленькую «Мадонну» Рафаэля, приклеенную к стене, вздернутый носик Окими. Но в ясных глазах Окими не отражается лунный свет. Для нее словно и не существует черепичная крыша, покрытая инеем. Сегодня вечером Танака проводил ее от кафе до дома. И даже пообещал, что завтра вечером они весело проведут время вдвоем. Завтра как раз выходной день Окими, который бывает раз в месяц, и Танака сказал, что они встретятся вечером в шесть часов у остановки трамвая на Огавамати, а оттуда пойдут в Сибатура[20] смотреть итальянский цирк. Окими не помнит, чтобы когда-либо раньше она гуляла с мужчиной. Как подумает, что завтра вечером у всех на глазах они вместе с Танака, словно влюбленные, отправятся смотреть вечернее цирковое представление, сердце у нее начинает часто-часто биться. Танака для Окими все равно что Али-Баба, знающий

магическое слово, с помощью которого можно проникнуть в пещеру с сокровищами. Какой неизведанный мир наслаждений откроется перед Окими, после того как прозвучит это заветное слово.

В своем сердце, волнуясь, как море, вздыбленное ветром, стучавшем, как мотор готового помчаться автомобиля, Окими, давно уже смотревшая на луну и не видевшая ее, рисовала этот непостижимый мир, который должен был раскрыться перед ней. Там, на дороге, усеянной розами, без числа разбросаны кольца из искусственного жемчуга, застежки для пояса из поддельного нефрита. Откуда-то сверху, с Мицукоси[21], словно струйка меда, льется сладостная трель соловья. Вот-вот, кажется, наступит кульминационный момент танца мистера Дугласа Фербенкса и мадемуазель Мори Рицук[22] в большом мраморном дворце, благоухающем оливами...

Я кое-что, однако, добавлю, и это сделает честь Окими. Среди видений, которые она себе рисовала, изредка зловещей тенью проплывало черное облако, как бы угрожая ее счастью. Да, Окими, несомненно, любила Танака. Но того Танака, которого окружил сияющим ореолом ее восторг перед литературой и искусством. Это был сэр Ланселот[23], который мог сочинять стихи, играл на скрипке и на сацумской бива, писал маслом, выступал на сцене, искусно играл в карты со стихами[24]. Нельзя поэтому сказать, что своей безыскусной девичьей интуицией она не угадывала в этом Ланселоте крайне подозрительную сущность. Тревожная тень черного облака временами омрачала грезы Окими. Но, не успев появиться, она, к сожалению, тут же исчезала. Какой бы взрослой ни казалась Окими, ей было всего шестнадцать-семнадцать лет. Совсем еще девочка, притом поклонявшаяся литературе и искусству. Неудивительно также, что она почти не замечала черных облаков, если не считать открытку «Заход солнца над Рейном», которой Окими постоянно восхищалась. Если и замочит дождем, не велика важность. Тем более сейчас, когда на дороге, усеянной розами, рассыпаны кольца из искусственного жемчуга, застежки для пояса из поддельного нефрита и многое другое, о чем написано выше; прошу вас перечитать то место.

Подобно святой Женевьеве Шаванна[25], Окими долго стояла, глядя на белую от лунного света черепичную крышу. Затем вдруг чихнула, с шумом закрыла окно и снова бочком села к столу. Что делала Окими потом, до шести часов вечера следующего дня, я, к сожалению, точно не знаю. «Почему же ты, автор, не знаешь?» –спросите вы, можете даже потребовать: «Скажи об этом честно!» Но дело в том, что всю ночь я должен был писать этот рассказ. Потому и не знаю.

В шесть часов вечера на следующий день, накинув кремовую шаль поверх своего выдавшего виды сомнительно коричневого цвета пальто, Окими суетливей, чем обычно, отправилась к трамвайной остановке на Огавамате, окутанной сумерками. Танака уже ждал ее, неподвижно стоя под красным светом фонаря[26], как всегда в черной широкополой шляпе, надвинутой на глаза, держа под мышкой тросточку с никелированной головкой и подняв воротник полупальто в крупную полоску. Его и без того гладкое лицо было тщательно выскоблено, в воздухе носился легкий аромат духов. Весь вид Танака говорил о том, что свой туалет он готовил сегодня с особым тщанием.

– Я опоздала? – спросила Окими, взглянув на Танака и учащенно дыша.

– Ну, что ты! – снисходительно ответил он, пристально глядя в лицо Окими глазами, в которых словно бы застыла улыбка. Затем вдруг поежился и добавил: – Пройдемся немного.

Не просто добавил. А сразу же зашагал в направлении к Судате по людной улице, освещенной дугowymi фонарями. Цирк же находился на Сibaура. Чтобы попасть туда, надо было идти в сторону Кандабаси. Окими так и не двинулась с места и, придерживая рукой кремовую шаль, развевавшуюся на пыльном ветру, с удивлением спросила:

– Туда?

Танака через плечо неопределенно ответил: «Да», – продолжая двигаться в сторону Судате. Окими не оставалось ничего другого, как поспешить за Танака. Они быстро пошли под шуршащим листвою сводом ивовой аллеи. Танака снова загадочно улыбнулся одними глазами и, заглянув сбоку в лицо Окими, сказал:

– Тебе это будет огорчительно узнать, но что поделаешь. Говорят, цирк на Сibaура еще вчера закончил свои представления. Потому я и предлагаю пойти в один хорошо известный мне дом и там вместе поужинать.

– Ладно. Мне все равно, – произнесла тихо Окими, чувствуя, как рука Танака слегка коснулась ее руки, и дрожа от радостной надежды и страха. И тут в глазах Окими снова появились слезы восторга и умиления, как это бывало с ней, когда она читала «Кукушку». Не приходится говорить, сколь прекрасны казались ей улицы Огавамате, Авадзите, Судате сквозь пелену этих слез восторга и умиления. Звуки оркестра на предновогодней распродаже товаров, назойливая световая реклама пилуль «Дзинтан», рождественские украшения из веток криптомерии, паутиная сеть бумажных флажков всех стран, Санта-Клаус в витринах магазинов, открытки и календари на уличных лотках – все это, казалось Окими, пело о радости величественной любви и простиралось во всем великолепии до самого края земли. Даже звезды на небесах светили сегодня не холодным светом, а пыльный ветер, налетавший временами, как только загибал полы пальто, тотчас же превращался в теплое дуновение, будто вернулась весна. Счастье! Счастье! Счастье!..

Вдруг Окими заметила, что они свернули в узкий переулок. На правой стороне была маленькая зеленная лавка. Там в ярком газовом освещении грудой лежали редька, морковь, шпинат, лук, белая редиска, картофель разных сортов, яме, салат, спаржа, корень лотоса, таро, яблоки, мандарины. Когда они проходили мимо лавки, на какой-то миг взгляд Окими задержался на приколотом лучинкой к бамбуку ценнике в горе лука. На ценнике черной тушью неумелой рукой было написано «1 пучок 4 сэна». Теперь, когда так резко подскочили цены на все товары, лук по цене четыре сэна за пучок был просто редкостью. Смотрит Окими на этот сверхдешевый ценник, и в ее счастливой душе, которая до этого была пьяна любовью, литературой и искусством, совершается переворот, – реальная жизнь, доселе скрытая, внезапно освобождается от искусственного покрывала, от летаргического сна. Вот уж поистине резкий и неожиданный поворот! Розы и кольца, соловьи и флаги на Мицукоси – все молниеносно исчезло без следа, как дым. А на смену этому, вместе с тяжелым опытом прошлого, в маленькую грудь Окими со всех сторон стали слетаться, подобно мотылькам, летящим на огонь, заботы о плате за квартиру, за электричество, за рис, за уголь, за рыбу, за сою, за газеты, за косметику, за трамвай и о других расходах на жизнь; Окими невольно остановилась, а затем, оставив в одиночестве ошеломленного Танака, вошла в лавку, где была эта зелень, залитая ярким газовым светом. Своим нежным пальчиком она показала на гору лука, где стоял ценник с надписью «1 пучок 4 сэна», и

голосом, каким поют песню «Сасураи»[27], сказала:

– Дайте два пучка.

На улице, где дул пыльный ветер, удрученный, одиноко стоял Танака в черной широкополой шляпе, подняв воротник полупальто в крупную полоску, держа под мышкой тонкую трость с никелированной головкой. В воображении Танака давно был дом с решетчатой дверью, расположенный в конце улицы. Простенький двухэтажный домик со светящимися иероглифами «Мацуноя» на коньке крыши, с мокрыми каменными приступками для снятия обуви при входе. Но пока он вот так стоял здесь на улице, видение этого уютного двухэтажного дома удивительным образом бледнело и растворялось в сознании. Вместо него немедленно всплыла и поднялась гора лука с воткнутым в нее ценником: «1 пучок 4 сэна». И тут образ дома исчез окончательно. Вместе с порывом пыльного ветра в нос Танака ударил запах лука, острый, как сама жизнь, и резкий до боли в глазах.

– Извините, что заставила ждать.

Несчастный Танака печально уставился на Окими, будто видел ее впервые. Окими с красиво расчесанными на прямой пробор волосами, с прищипленной к волосам незабудкой, с чуть вздернутым носом стояла, слегка придерживая подбородком кремовую шаль, в руке у нее было два пучка лука, купленного за восемь сэнов. В ясных глазах прыгала радостная улыбка.

Наконец-то кое-как дописал. Пожалуй, уже не далеко до рассвета. Со двора доносится простуженный крик петуха. Настроение у меня почему-то скверное, хотя написал я все это сознательно, с большим старанием. Окими в тот вечер как ни в чем не бывало вернулась к себе, в комнату на втором этаже того дома, где владелицей была парикмахерша. И пока она не бросит работу официантки в кафе, она вряд ли перестанет встречаться и гулять с Танака. Как подумаешь... Но это уже другое дело. Сколько бы я сейчас ни волновался, все напрасно. И так, на том кончаю. До свидания, Окими. И сегодня, как в тот вечер, выйди отсюда радостной и смелой, спокойно иди на расправу к критикам.

© Акутагава Рюноске, 11 декабря 1919 г.

Сноски - Примечания

1 Название улицы в токийском районе Канда.

2 Такэхиса Юмэдзи-кун (1884—1934) – художник, в частности, книжный иллюстратор; кун – приставка после мужского имени, носящая фамильярный характер.

3 Жанр популярных песенок.

4 Лакомство из гороха с имбирем.

5 Сентиментальный роман (1900) известного японского писателя Токутоми Рока, популярный в первые два десятилетия.

6 Знаменитый сборник романтической лирики Симадзаки Тосона (1872—1943).

7 Мацуи Сумако – известная в 10-е годы артистка, впервые исполнявшая в Японии такие роли в европейских пьесах, как Офелия, Нора (в драме Ибсена), Катюша (в инсценировке «Воскресения» Толстого); у нее был нашумевший в свое время роман с писателем Симамура Хогэцу, после смерти которого она в 1919 г. покончила самоубийством; ей было посвящено несколько книг, но книги с таким названием, какое дано в рассказе, не существует.

8 Одноактная пьеса (1912) известного японского драматурга Окамото Кидо; «Асагао-никки» – название средневековой пьесы.

9 Может быть, название популярной повести, а может быть, и вымышленное автором название.

10 Кабураги Киеката (1878—1972) в 10-е годы был известен преимущественно как иллюстратор; Гэнроку – название годов правления с 1688 по 1704 в широком смысле – эпоха необычайного расцвета японской культуры, охватывающая последнюю четверть XVII – первую четверть XVIII в.; одна из ярчайших ее примет – создание в прозе, драматургии, изобразительном искусстве образа городской женщины, воплощение полнокровной, уравновешенно-спокойной земной красоты.

11 Китамура Сикай-кун (1871—1927) – скульптор.

12 Букв.: «Новая школа» – название нового театра, противопоставившего себя традиционным жанрам японского театрального искусства, в частности, Кабуки; здесь шли переводные европейские пьесы, инсценировки современных японских романов (в частности, «Кукушки»), а также европейских (например, «Воскресения» Л. Толстого).

13 Таэко и Намико – герой и героиня романа «Кукушка»; Намико умирает от чахотки.

14 1,8 л.

15 Известное курортное место в префектуре Канагава, место действия романа «Кукушка» и любовной сцены в инсценировке этого романа.

16 Город в Испании, место действия новеллы П.Мериме «Кармен».

17 Сацумская бива – разновидность бива, четырехструнного щипкового инструмента (типа лютни), заимствованного из Китая в VIII в.; сацумская бива (Сацума – провинция на юге острова Кюсю) появилась в конце XV в.

18 В этих районах расположены два университета, т. е. это студенческие районы.

19 Художественные галереи; Кабутоя существует и поныне.

20 В то время район на окраине Токио.

21 Название одного из крупнейших универсальных магазинов в Токио.

22 Актриса театра Тэйгэки, т. е. театра жанра «симпа».

23 Герой романа Т.Смоллета (1721—1771) «Приключения сэра Ланселота Гривза»; знаменитый американский актер Дуглас Фербенкс играл роль Ланселота в фильме по этому роману.

24 На игральных картах были написаны стихи-танка из знаменитого сборника «Сто стихотворений ста поэтов», причем на каждой карте только часть стихотворения; выигрывал тот, кто быстрее подбирал целую танка.

25 Пюви де Шаванн (1824—1893) –французский художник; «Святая Женевьева, охраняющая Париж» –его известная фреска в парижском Пантеоне.

26 Красный фонарь указывал место трамвайной остановки.

27 Имеется в виду печальная песня, впервые исполненная со сцены в пьесе «Живой труп» Л.Толстого в 1917 г. и очень распространенная в последующие годы; песня названа по начальному слову: «Сасураи» – «В скитаньях...».